

УДК 821.112.2

ОБРАЗ КРИМХИЛЬДЫ В СИСТЕМЕ ГЕРОИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»

Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ

(Полоцкий государственный университет)

Исследуется роль Кримхильды в эпосе «Песнь о Нибелунгах». Рассматривается сюжет эпоса сквозь призму женского образа. Прослежена эволюция образа Кримхильды в непосредственной взаимосвязи с развитием событий в эпосе. Характерный для первой части «Песни о Нибелунгах» спокойный тон повествования сопряжен с яркими событиями, драматичным тоном второй части эпоса. В первой части «Песни» Кримхильда любящая, кроткая невеста и верная супруга; во второй части – скорбящая вдова и жестокая мстительница. Анализируются детерминанты поведения Кримхильды и ее место в мире Нибелунгов. Делается вывод о том, что движущей силой эпоса является Кримхильда, в то время как наполнением сюжета служит судьба Нибелунгов. Приводится обоснование трагической развязки эпоса «Песнь о Нибелунгах». Гибель Нибелунгов влечет неминуемую расправу и над Кримхильдой.

Введение. В истории немецкой литературы Средних веков сформировалось неоднозначное отношение к женским образам. С одной стороны, без судьбоносного участия женщины было бы сложно говорить об исцелении бедного Генриха, любви Тристана к Изольде или гибели Нибелунгов и счастье Кудруны. В то же время драматические события Штауфеновского двора, ослабленного войнами и междоусобными распрями, вытеснили женские образы из ранних эпических произведений. А пришедшая на смену куртуазная литература придала женскому образу некую недостижимость и кажущуюся непричастность к происходящему. Кроме того, средневековое общество, в особенности Германии, продолжало ценить традиции и почитать славных героев прошлого.

Основная часть. Определение центральной фигуры эпоса является одним из актуальных вопросов современного нибелунговедения (работы Н.А. Ганиной, М.М. Русяевой, В.И. Чететка). Сложность данного вопроса обусловлена наличием нескольких хронотопов в эпосе и, как результат, разнообразной палитрой персонажей. Зигфрид, Хаген, Гунтер и Кримхильда в равной степени значимы в «своем» времени-месте. Вместе с тем эпические герои перенесены автором в средневековую рыцарскую культуру и должны ей соответствовать. По мнению М.М. Русяевой, они «изображаются типичными членами средневекового общества и наделяются качествами, которые признаются положительными в этом обществе» [1, с. 13]. Автор неоднократно подчеркивает такие их качества, как благородство (Кримхильда, Зигфрид); красота (Кримхильда, Зигфрид); богатство (Гунтер, Зигфрид); щедрость (Гунтер, Зигфрид, Этцель, Кримхильда); смелость (Зигфрид, Хаген); физическая сила (Зигфрид, Хаген, Брюнхильда) – все эти признаки являются типичными для героев средневекового эпоса. Однако не каждый эпический герой мог претендовать на роль главного персонажа эпоса. Так, Б. Нагель, видит в ней различных героев эпоса. По его мнению, идеальным претендентом вполне мог бы быть Зигфрид, «если бы не мифический эпизод его биографии, связанный с убийством дракона» [2, S. 22–26]. О его необычайной силе и неуязвимости было известно далеко за пределами королевства. Обладание кладом Нибелунгов и плащом-невидимкой придавало герою величия и загадочности. В своем мире Зигфриду нет равных, он превосходит и совершенен. Только он способен угрожать бургундам расправой, прибыв в Вормс. Обращенный к Гунтеру призыв: «*ich will an iu ertwingen, / swaz ir muget hân: // lant unde bürge, / daz sol mir werden undertân*» (110, 3–4) [3, S. 38] – «Да, знайте, что намерен / я все у вас отнять: // Страну и бурги ваши / должны вы мне во власть отдать» [4, с. 154], обескураживает бургундских королей. Тогда Зигфрид уточняет: он вызывает Гунтера на поединок: «*Dîn erbe und ouch daz mîne / sulen gelîche ligen. // sweder unser einer / am andern mac gesigen, // dem sol ez allez dienen, / die liute und ouch diu lant*» (114, 1–3) [3, S. 40] – «Пусть земли наши будут / наградой нам служить: // И кто из нас другого / сумеет победить, // Пусть тот людей / и земли во власть свою возьмет» [4, с. 154]. Создается впечатление, что Зигфрид пытается соответствовать кодексу поведения рыцарей Круглого стола. И, по мнению А.Я. Гуревича, «кажется, что Зигфрид принимает правила игры, диктуемые феодальным двором» [5, с. 127]. В то же время рассказ Хагена о юношестве героя служит напоминанием не о рыцарских приключениях, а о поединках неуязвимого драконоубийцы. Конечно, в придворном мире нет места ни дракону, ни кладу Нибелунгов. Однако отказаться от мифического автор эпоса был не в праве: это определяющие моменты в сватовстве к Брюнхильде и убийстве Зигфрида.

Противоборство «Зигфрид – Хаген», олицетворяющее собой борьбу добра со злом, позволяет сравнивать этих героев эпоса. А вражда Хагена с Кримхильдой, согласно А.Я. Гуревичу, – «движущая сила всего повествования» [6, с. 24]. Хаген постоянно фигурирует в эпосе, где это не противоречит общей композиции «Нибелунгов». Хаген – лучший витязь при вормсском дворе, поэтому именно он вызывает опасения у нидерландского короля: «*Ob ez ander niemen wære / wan Hagene der degene, // der kann mit übermüete / der höhverte pflegen, // daz ich des sêre fürhte, / ez müg' uns werden leit*» (54, 1–3) [3, S. 22] – «Не будь

других, все-ж Гаген / там при дворе живет: // С таким высокомерьем / он честь двора блюдет, // Что я боюсь, не вышло-б / для нас беды какой» [4, с. 147]. Король Гунтер настолько доверяет Хагену, что именно ему предоставляется честь представлять Гунтеру гостей двора (Зигфрида, Рюдигера, послов Этцеля). По совету Хагена король обращается за помощью к Зигфриду в войне с саксами и сватовстве к Брюнхильде. Позже именно он вступает за честь Брюнхильды и вызывается отомстить Зигфриду: «*daz Prünhilde weinen / sol im werden leit. // jâ sol im von Hagenen / immer wesen widerseit*» (873, 3–4) [3, S. 266] – «Он за Брюнхильды слезы / поплатится ужасно: // От Гагена ждать должен / он ныне всяких бед всечасно» [4, с. 243]. Он тщательно планирует убийство Зигфрида. Инсценировка второй войны с саксами, выведывание тайны у Кримхильды и смерть Зигфрида – дело рук Хагена. Он перевозит клад Нибелунгов в Вормс и погружает его в Рейн, храня до самой смерти тайну его местонахождения. Он высказывается против второго брака Кримхильды и предостерегает королей от опасной поездки к гуннам. В любой ситуации Хаген сохраняет трезвый ум и холодный расчет. Именно он решает, когда королю отправляться в путь, и кого взять с собой. Он все продумывает до мелочей: *Er sprach zuo sînem herren: / «wir suln daz wol bewarn, // daz wir si lâzen rîten, / ê daz wir selbe varn // dar nâch in siben tagen / in Etzelen lant. // treit uns iemen argen willen, / daz wirt uns deste baz // Sone mac ouch sich vrou Kriemhilt / bereiten niht dar zuo, // daz uns durch ir ræte / iemen schaden tuo. // hât aber si den willen, / ez mac ir leide ergân. // wir fûeren mit uns hinnen / sô manigen ûz erwelten...»* (1480–1481) [3, S. 446] – Сказал он господину: / «Беречь себя самих // Нам надо; мы отпустим / домой отсюда их // Семью лишь днями раньше, / чем сами в путь пойдем: // Коль зло кто замышляет, / узнаем мы тогда о том. // Кримхильда не успеет / устроить в этот срок, // Чтоб кто, с ея совета, / зло причинить нам мог; // Но раз у ней есть умысл, / ну, ей тогда беда: // Мужей отборных много / мы поведем с собой туда» [4, с. 319]. Хаген первым узнает от вещей дев предсказания гибели Нибелунгов. Но несмотря ни на что остается верным королю до самой смерти. Как ни парадоксально, именно его слова влекут за собой убийство бургундского правителя: «...*jâ hân ich des gesworn, // daz ich den hort iht zeige, / die wîle daz si leben // deheiner mîner herren, / sô sol ich in niemene geben*» (2368, 2–4) [3, S. 712] – «...я клятву в том давал, // что клад не покажу я, / раз из моих господ // жив кто-нибудь: до тех пор / никто его уж не возьмет» [4, с. 436]. Кримхильда дословно понимает слова Хагена: нужно убрать того, кто мешает, и она приказывает убить Гунтера. В то же время Кримхильда знает: Хаген никогда не выдаст тайну местонахождения клада. И она убивает храброго воина. Тот факт, что Хаген погибает от рук Кримхильды, кажется ужасающим.

Однако «Песнь о Нибелунгах» – «книга о героях»; Хаген и его образ вассала не дотягивал до главного героя поэмы. Он родом скорее из грубоватой старины, нежели из куртуазно-рыцарского общества. Не отвечали требованиям к герою и представители королевского рода. Бургундский король Гунтер из-за своей слабыхарактерности, а король гуннов Этцель, представленный в эпосе таковым, не могли претендовать на роль главного персонажа. По утверждению А.Я. Гуревича, «для немецкого героического эпоса было типическим изображение королей, куртуазных и щедрых, но вместе с тем постоянно обнаруживающих свою несостоятельность» [6, с. 23]. Возможно, и автор «Песни о Нибелунгах» было более понятным и близким к идеалу поведение вассала, нежели, как считает ученый, «поведение государя, все более превращающегося в статичную фигуру» [6, с. 24]. В то же время ни Зигфрид, ни Хаген, ни Гунтер с братьями не производят впечатления динамично развивающейся личности. Герои даже не стареют, несмотря на то, что рассказанное время эпоса, без учета подвигов Зигфрида, охватывает около 40 лет. Они не претерпевают никаких изменений в развитии.

Таким образом, эпические герои соответствовали представлениям средневекового общества о мире, в котором нет места развитию личности [6, с. 25]. По мнению А.Я. Гуревича, «действия героев предначертаны судьбой или детерминированы обстоятельствами» [5, с. 121]. Он не признает «эволюцию характера», поскольку «...эта идея <...> чужда сознанию Средневековья» [5, с. 121]. Поскольку автор создал «Песнь о Нибелунгах» в начале XIII века, то справедливо предположить, что автором в тексте «Песни» реализуется система ценностей придворного общества именно этого периода времени. Не свидетельствует ли это об отсутствии в эпосе ярких, развивающихся личностей?

«Песнь о Нибелунгах» – новая веха в истории эпоса. В отличие от произведений Раннего Средневековья, автор изобразил в Нибелунгах не «безмолвных грубых героев» с «простым чувственным миром», а придал им эмоций (Ф. Фишер) [7, S. 456]. Яркий на события эпос казался невыносимым без эмоционального, претерпевающего развитие героя. Поскольку мужские образы (в силу тех либо иных обстоятельств) не соответствовали данным критериям, таким «героем» стала Кримхильда. В отличие от девы-воительницы Брюнхильды, выведенной из повествования во второй части «Нибелунгов», прекрасная Кримхильда присутствует на протяжении всего эпоса. У некоторых ученых (Б. Нагель, У. Шульце) не вызывает сомнений тот факт, что главной героиней «Песни о Нибелунгах» является Кримхильда. Вопрос состоит в следующем: не лишил ли автор эпос героичности, выдвинув на первый план женский образ?

Рассмотрим место Кримхильды в мире Нибелунгов. По мнению Я.-Д. Мюллера, действия Кримхильды детерминируемы мужчинами. Он называет Кримхильду «пешкой в политической игре» своих братьев [8, S. 132]. Роль Кримхильды соответствует положению женщины в патриархальном обществе. Хотя Кримхильда пытается отвергнуть мир мужчин, отказавшись от любви (*minne*): «*Waz saget ir mir von*

manne, / vil liebiu muoter mîn? // âne recken minne / sô will ich immer sîn. // sus scoen' ich will belîben / unz an mînen tôt, // daz ich von mannes minne / sol gewinnen nimmer nôt» (15, 1–4) [3, S. 10] – «Что мне не говорите, / про мужа, мать моя? // Без рыцарской любви / на век останусь я. // Уж в девушках мне лучше / до самой смерти быть, // Чем лишних бед и горя / чрез ту любовь себе нажить» [4, с. 143]. Она не в праве решать самостоятельно свою судьбу. Ее рука и сердце вверены власти братьев, использующих сестру в своих интересах. Так, ей разрешается оказать честь победителю: *ir wart erloubet küssen / den wætlîchen man. // im wart in al der werlde / nie sô liebe getân* (297, 3–4) [3, S. 94] – Позволено ей было / бойца поцеловать: // Не приходилось счастья / ему такого испытать [4, с. 175]. А ее согласие на брак заведомо обещано Зигфриду: *«Sivrit, an dîne hant. // und kumt diu scoene Prûnhilt / her in ditze lant, // sô wil ich dir ze wîbe / mîne swester geben, // sô mahtu mit der scoenen / immer vroelîche leben»* (334, 1–4) [3, S. 106] – «... на! Вот рука моя: // С Брунхильдою как только / сюда вернусь я, // Сестру свою дать в жены / тебе даю обет, // И будешь ты с пригожей / тогда жить в радости, без бед» [4, с. 180]. А если Кримхильда дает волю своим чувствам, то вынуждена скрывать это от других: *Er neig ir flîzeclîche; / bi der hende si in vie. // wie rehte minneclîche / er bî der frouwen gie! // mit lieben ougen blicken / ein ander sâhen an // der herre und ouch diu frouwe. // daz wart vil tougenlich getân* (293, 1–4) [3, S. 94] – Он низко поклонился; / тут за руку взяла // Она его; всех краше / та парочка была. // И вот, друг другу в очи / любовно и приветно // Они взглянули оба / тайком, для прочих незаметно [4, с. 175].

С появлением Зигфрида положение Кримхильды меняется. Кримхильда в нем видит поддержку и даже осмеливается заявить о своих правах. Она требует равной с братьями доли наследства: *«mir suln ê mîne brüeder / teilen mit diu lant»* (691, 3) [3, S. 212] – «Должны сперва мне братья / дать часть земли в удел» [4, с. 221]. А в качестве свиты – Ортвина и Хагена, самых верных воинов бургундского двора: *Kriemhilt dô senden began // Nâch Hagene von Tronege / und ouch nâch Ortwin, // ob die unt ouch ir mâge / Kriemhilde wolden sîn* (697, 4–698, 1–2) [3, S. 214] – Приказ дала она сказать // И Гагену из Тронеге, / и Ортвину скорей: // Угодно-ль им Кримхильде / служить с родней своей? [4, с. 222]. Неизвестно, чем бы обернулось данное предприятие, не вмешайся Зигфрид в планы Кримхильды.

Но и в браке с Зигфридом Кримхильда не находит покоя. Ссора королей не что иное, как попытка Кримхильды самоутвердиться. В словесной перебранке Кримхильда отстаивает свой статус и общественное положение супруга. Как утверждает Н.А. Ганина в работе «Спор королей (“Песнь о Нибелунгах”, XIV авентюра) – генезис коллизии и синхрония текста», кульминация ссоры – «обвинение» – «взрыв» всего повествования [9, с. 143]: *«...den dînen schoenen lip // den minnet' êrste Sifrit, / der mîn vil lieber man // jane was ez niht mîn brüeder, / der dir den magetuom an gewan»* (840, 2–4) [3, S. 256] – «Ведь первый наслаждался / тобой Зигфрид, ему // Твое досталось девство, / отнюдь не брату моему» [4, с. 239]. Такое поведение Кримхильды – пусковой механизм для решительных действий Хагена. В судьбоносном убийстве Зигфрида не обошлось без Кримхильды. По просьбе Хагена, пометив на одежде уязвимое место Зигфрида, она не оставила герою шансов выжить.

Смерть Зигфрида коренным образом меняет Кримхильду. Она самостоятельно принимает важное решение отомстить, отказавшись от помощи нидерландского короля: *«herre Sigemunt, / ir sult iz lâzen stân, // unz ez sich baz gefüete: // sô wil ich mînen man // immer mit iu rechen. / der mir in hât benomen, // wird' ich des bewîset, / ich sol im schâdelîche komen»* (1033, 1–4) [3, S. 312] – «Сигмунд, / вам надо погодить, // Когда удобный случай / настанет; я отмстить // Всегда за мужа рада. / Вот, только-б мне узнать, // Кем лишена я мужа, / убийце уж не сдобровать» [4, с. 264]. Поэтому все дальнейшее повествование определено ее мстью.

Скорбящая вдова становится щедрой дарительницей, когда раздает клад воинам Нибелунгов, находя поддержку многих. Конечно, средства остаются те же – смелые воины, окружающие вдову. Но на войне все средства хороши, а Кримхильда была готова к войне. Ее тактика – в выборе подходящего момента. А пока Кримхильде не претит жить за счет братьев. Именно от их согласия зависит успех сватовства Этцеля: *Gêrnôt und Gîselher, / die stolzen ritter guot, // und Gunther der rîche / ze jungest reiten daz: // ob ez lobte Kriemhilt, / si woldenz lâzen âne haz* (1214, 2–4) [3, S. 368] – Бойцы лихие: Гизельхер, / и брат его Гернот, // И Гунтер, порешили / Кримхильде не мешать, // Коль ей угодно будет / на то свое согласье дать [4, с. 287]. Уговоры Рюдигера подтверждают зависимость Кримхильды от мужчин. Хотя вдову сдерживает другое: *«klagen unde weinen / mir immer zâme baz»* (1245, 2) [3, S. 376] – «Прилично мне лишь вечно / грустить да слезы лить» (1245, 2) [4, с. 291]. В то же время Кримхильда все для себя решила: *Do gedâhte diu getriuwe: // «sît ich vriunde hân // alsô vil gewinnen, / sô sol ich reden lân // die liute, swaz si wellen, / ich jâmerhaftez wîp». // waz ob noch wirt errochen / des mînen lieben mannes // Si gedâhte: «sît daz Etzel / der recken hât sô vil, // sol ich den gebieten, / sô tuon ich, swaz ich wil. // er ist ouch wol sô rîche, / daz ich ze gebene hân. // mich hât der leidege Hagene / mînes guotes âne getân»* (1259–1260) [3, S. 380] – А верной мысль такая / пришла: «Раз я друзей // Приобрету так много, / мне до молвы людей // Нет дела: что угодно / им могут говорить. // Что-ж? пусть! раз за супруга / мне можно будет отплатить. // У Этцеля не мало / бойцов; там буду я // Их госпожой: исполнят / они все для меня. // Средств для раздачи будет / не мало: царь богат. // А то, здесь мерзкий Гаген / прибрал к своим рука мой клад» (1259–1260) [4, с. 292]. Так, действия Кримхильды продолжают зависеть от окружающих ее мужчин. Но расчетливость Кримхильды не позволяет братьям усомниться в безропотном ее подчинении.

Вдали от братьев Кримхильда приводит в исполнение свой коварный план. Она, пользуясь мощью и влиянием своего второго супруга, приглашает братьев, а главное Хагена, на роковой пир. Это совер-

шенно другая Кримхильда. Не осталось и следа от нежной и любящей девушки. Это коварная, ослепленная желанием мести, вдова. Мсть для нее – навязчивая идея, и не ясно, есть ли место любви в ее сердце. Кажется, Кримхильда не способна любить ни второго супруга, ни своих детей, ни братьев.

Нельзя сказать, что Кримхильда лишена эмоций. Отнюдь, мсть является одной из самых сильных. В своем исследовании В.И. Чететка доказывает, что в средневековом эпосе «доминируют *негативные типы эмоций*, переживаемые <...> женскими персонажами, что соответствует средневековой эмоциональной картине мира» [10, с. 111]. На чувствах главной героини зиждется масса важных моментов повествования. Это и ее монолог о вине Хагена в браке с Этцелем, и ее негодование при виде меча Зигфрида, и ее требование вернуть Нибелунгов клад. Но в то же время все остальное оставляет нетронутыми ее чувства. Ни убийство сына, ни отрубленная голова Гунтера не пробуждают в ней сострадания. В своих действиях Кримхильда бесповоротна. Это уже не женщина, а дьяволица. *Grimhild* – «губящая ночью», по определению Н.А. Ганиной [11, с. 384], вершит судьбу храбрых воинов. Это дева-воительница, самолично убившая Хагена, одного из самых смелых воинов. За несправедливость, чинимую Кримхильдой, страдают не только храбрые Нибелунги, но и она сама. Ее наказание соразмерно с поступками: Хильдебрандт рубит Кримхильду на куски. Такого «заслуживают» лишь связанные с нечистой силой. Автор негодует о смерти многих славных воинов и позволяет убить главную героиню эпоса.

Смертью Кримхильды заканчивается «Песнь о Нибелунгах». Так автор реализует рамочную конструкцию эпоса. Повествование начинается Кримхильдой и заканчивается ею. Причем смена частей эпоса также имеет отношение к Кримхильде. Последняя строфа первой части гласит: *Nâch Sifrides tôde, / daz ist alwâr, // si wonte in manigem sêre / driuzehen jâr, // daz si des recken tôdes / vergezzen kunde niht. // si was im getriuwe, / des ir diu meiste menige giht* (1142) [3, S. 346] – После Зигфрида смерти / (то правда, лжи тут нет), // Жила в тоске безмерной / она тринадцать лет // И не могла о смерти / воителя забыть, // И весь народ за верность / не даром мог ее хвалить (1142) [4, с. 278]. В то время как в первой строфе второй части снова идет речь о Кримхильде: *dô rieten sîne vriude / in der Burgonden lant // z'einer stolzen witewen, / diu was vrou Kriemhilt genant* (1143, 3–4) [3, S. 346] – Его друзья послали // совет давали сватов / в бургундов край к одной // Вдове надменной: звали / ее Кримхильдой госпожой (1143, 2–4) [4, с. 278]. И наконец, Кримхильда упоминается как последняя из бургундов в одной из заключительных строф: *ze stücken was gehouwen / dô daz edele wîp* (2377, 2) [3, S. 714] – В куски воитель старый / царицу изрубил (2377, 2) [4, с. 437].

Таким образом, Кримхильду можно считать основой композиции эпоса о Нибелунгах. На ней зиждется завязка и развязка конфликта. Она появляется в кульминационных моментах первой и второй частей эпоса. По вине Кримхильды убивают Зигфрида и тысячи Нибелунгов. Кримхильда всегда там, где бушуют страсти. Более того, она не только провоцирует его, но и усугубляет. Например, в сцене гибели Нибелунгов: *Den sal den hiez dô zünden / daz Etzelen wîp. // dô quelte man den recken / mit fiwer dâ den lip* (2111, 1–2) [3, S. 634] – Поджечь велела залу / тут Этцеля жена. // Уж как-же истерзала / огнем бойцов она! (2111, 1–2) [4, с. 402]. Она подвергает воинов адским мукам: *dô wart ir michel mêre, / die trunken ouch daz bluot* (2117, 2) [3, S. 636] – Пить многие кровь также / из ран убитых стали (2117, 2) [4, с. 402], *dô leitten siz mit schilden / von in hin zetal. // der rouch und ouch diu hitze / in tâten beidiu wê* (2118, 2–3) [3, S. 638] – И на полу шились, / отпрыгнув от щитов. // И дым, и жар несносный / их сильно донимали (2118, 2–3) [4, с. 403].

Если окинуть взглядом всю «Песнь», то, кажется, автор эпоса никоим образом не пытается обелить героиню. Напротив, он при каждой возможности предрекает плачевный исход событий, винит в которых Кримхильду: *... wie ein scoeniu meit // wære in Burgonden, / ze wunsche wolgetân, // von der er sît vil vreuden / und ouch arbeit gewan* (44, 2–4) [3, S. 20] – ... девица / в Бургундии живет, // И так мила, что больше / нельзя и пожелать. // За то был должен много / утех и бед он испытать [4, с. 146]. Иногда ее причастность к трагическому исходу повествования опосредована: *von zweier vrouwen bâgen / wart vil manic helt verlorn* (876, 4) [3, S. 266] – Да, витязей не мало / сгубил двух знатных жен раздор [4, с. 243], или подразумеваема: *von helden kunde nimmer / wirs gejaget sîn. // ein tier, daz si sluogen, / daz weinten edliu kint. // jâ muosen sîn engelten / vil guote wîgande sint* (1002, 2–4) [3, S. 304] – Ни разу так охотой / бойцы не потешались. // А зверь, убитый ими, / заставил жён рыдать, // Бойцам отменным многим / пришлось за это пострадать [4, с. 260]. Такие напоминания о роковой судьбе, которые нередко всплывают в картинах благополучия и празднеств, по мнению А.Я. Гуревича, цементируют эпос как «художественное целое» [6, с. 23], главную роль в котором играет Кримхильда.

Заключение. С первых строф автор эпоса обращает внимание на бургундскую королеву, словно стремится подчеркнуть значимость образа Кримхильды. Действия Кримхильды контролируемы мужчинами и зависимы от мужчин. Такое положение дел соответствует средневековому обществу. Однако чем более Кримхильда зависима от окружающих ее воинов, тем более значимы ее решения. Они сложно претворяются в жизнь: план мести Кримхильда вынашивала более 13-ти лет, но какой разрушительной силой он обладал! А использование ею мужчин – не иначе как вынужденная мера. Будь она иного происхождения, мы бы еще в первой части «Песни о Нибелунгах» увидели яростную мстительницу. Очевидно, это не входило в планы эпика. Этот образ прошел сквозь всю канву произведения, пережив судьбоносную трансформацию. Судьба Кримхильды зависима от Нибелунгов, а они в свою очередь оказались заложниками ее мести. И в этой игре она отнюдь не пешка, а королева, личность. Только такой женский

образ мог быть включен в повествование о древних временах и их знаменитых героях: *Uns ist in alten mæren / wonders vil geseit // von helden lobebæren, / von grôzer arebeit, // von frôuden, hôchgezîten, / von weinen und von klagen, // von küener recken strîten / muget ir nu wunder hoeren sagen* (1) [3, S. 6] – Гласят чудес не мало / нам саги лет былых. // О витязях достойных, / об их невзгодах злых, // О празднествах веселых, / об их слезах и горе, // Об их раздорах много / чудес услышите вы вскоре [4, с. 141]. Кримхильда является движущей силой эпоса, наполнением сюжета которого была трагическая судьба Нибелунгов, «владельцев клада» (Н.А. Ганина) [12, с. 390], так и не вернувшегося в руки королевы.

Таким образом, в героическом эпосе перед читателем «фигурируют не только королевы, служащие украшением двора и залогом мира и дружеских связей между правителями. Перед нами – яркие, сильные натуры, способные на самые крайние, решительные поступки, которые определяют все развитие событий» [10, с. 96]. Кримхильда – идеал своей эпохи: верная, прекрасная и сильная женщина. Эта развивающаяся героиня эпоса взяла на себя роль движущей силы «Песни о Нибелунгах». Вряд ли в немецкой литературе Средних веков можно найти женский образ подобного значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русяева, М.М. Концептосфера «человек/личность» в художественном тексте средневерхненемецкого периода: на материале «Песни о Нибелунгах»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.М. Русяева; Пятигорск. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2007. – 18 с.
2. Nagel, V. Das Nibelungenlied. Stoff-Form-Ethos / V. Nagel. – Frankfurt am Main: Hirschgraben-Verlag, 1970. – 304 S.
3. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / K. Bartsch, H. de Boor. – Philipp Reclam jun. Stuttgart, 1997, 2003. – 1045 S.
4. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М.И. Кудряшев. – СПб.: Тип. Лебедева Н.А., 1889. – 440 с.
5. Гуревич, А.Я. «Хронотоп» «Песни о Нибелунгах» / А.Я. Гуревич // Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – С. 115–135.
6. Гуревич, А.Я. Средневековый героический эпос германских народов / А.Я. Гуревич // Библиотека всемирной литературы: в 200 т.; под ред. С. Шлапоберской. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 9. – С. 5–26.
7. Vischer, Fr. Kritische Gänge: in 6 Bd.; hrsg. v. R. Vischer. – München: Meyer & Jessen, 1922. – Bd. 2. – S. 439–505.
8. Müller, J.-D. Das Nibelungenlied / J.-D. Müller. – 3. Aufl. – Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co, 2009. – 199 S.
9. Ганина, Н.А. Спор королей («Песнь о Нибелунгах», XIV авентюра): генезис коллизии и синхрония текста / Н.А. Ганина // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – М.: Индрик, 2005. – С. 130–147.
10. Чечетка, В.И. Концепт «человек» в мифопоэтической картине мира (на материале древнегерманских героических песен, легенд, сказаний): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.И. Чечетка. – Воронеж, 2005. – 235 л.
11. Ганина, Н.А. Ильдико-Гримхильд: трансформация имени в германской традиции / Н.А. Ганина // Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского / отв. ред. О.А. Смирницкая; сост. О.А. Смирницкая, Ф.Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 377–387.
12. Ганина, Н.А. Нибелунги: к этимологии и орфографии / Н.А. Ганина // Слово в перспективе литературной эволюции: к 100-летию М.И. Стеблин-Каменского / отв. ред. О.А. Смирницкая; сост. О.А. Смирницкая, Ф.Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 388–407.

Поступила 15.01.2015

IMAGE KRIEMHILD IN THE SYSTEM OF HEROIC IMAGES IN “THE NIBELUNGENLIED”

E. LUSHNEVSKAYA

The article is devoted to the analysis of the role of Kriemhild in “The Nibelungenlied”. The plot of the epos is considered via prism of a female image. In this article to explore the evolution of the image of Kriemhild in close relationship with the development of the narration of the epos is attempted. The calm tone of the narration, characteristic of the first part of “The Nibelungenlied”, turns into the dramatic, dynamic tone of the second part of the epos. So, Kriemhild, the loving, mild bride, and the faithful wife presented in the first part becomes a grieving widow and a cruel avenger in the second part of the epos. The determinants of Kriemhild’s behaviour, and her place in the world of the Nibelungs are analyzed. The tragic outcome of “The Nibelungenlied” epos is justified. The death of the Nibelungs causes imminent reprisal against Kriemhild.